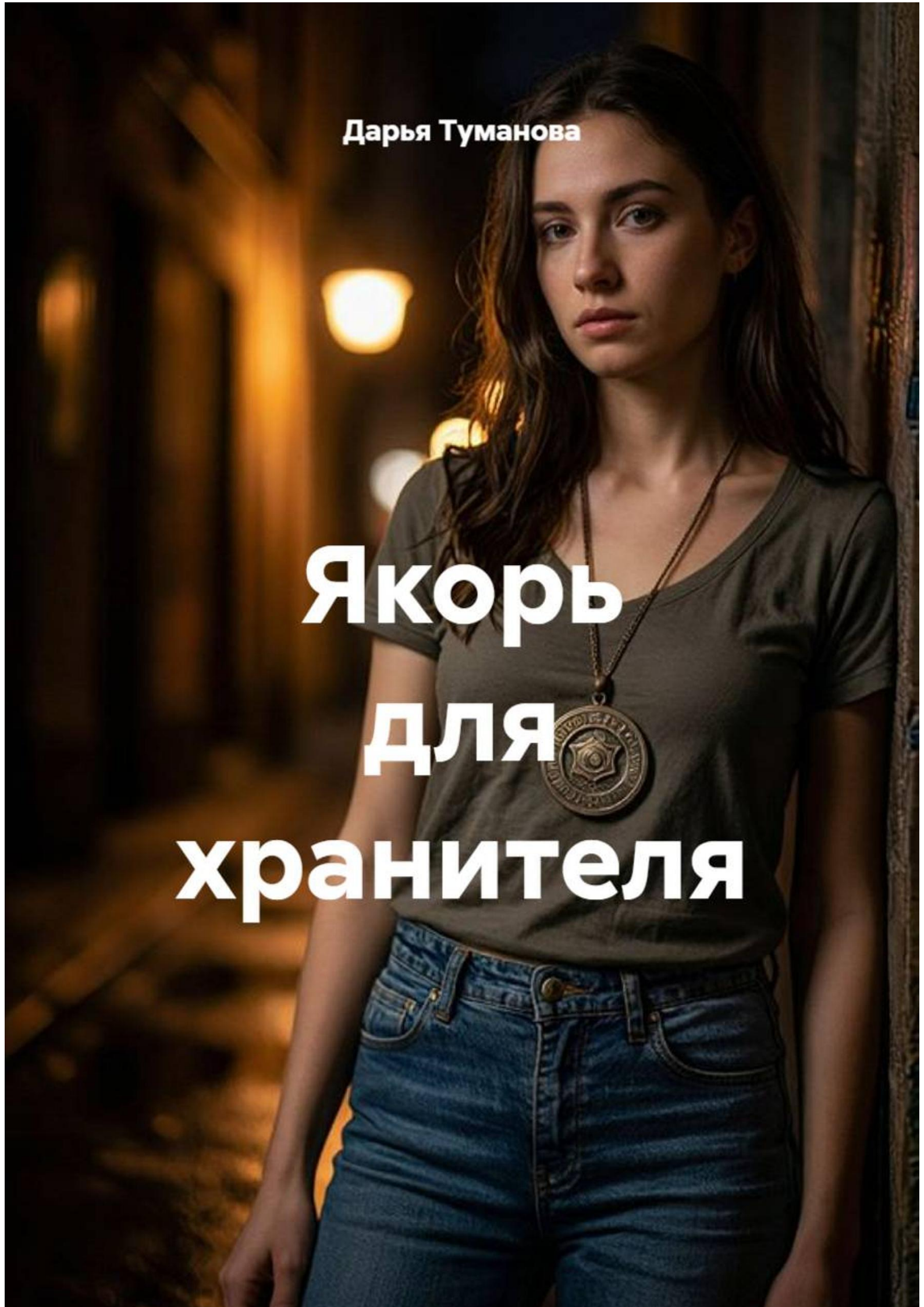

Дарья Туманова

Якорь для хранителя

Дарья Туманова

Якорь для хранителя

«Автор»

2026

Туманова Д.

Якорь для хранителя / Д. Туманова — «Автор», 2026

Женя давно смирилась с тем, что её дар находить потерянные вещи — просто милая особенность. Справка от ратуши говорит «слабая бытовая аномалия», и этого достаточно, чтобы жить спокойно в городе, где магия — часть обычной жизни. Спокойствие заканчивается в день, когда она за полчаса находит городской талисман, который не могли отыскать профессиональные ищейки. А временный хранитель квартала смотрит на неё так, будто увидел то, чего не видел раньше. Матвей знает: привязка хранителя либо укрепитя в первые месяцы службы, либо подведёт в самый опасный момент. Впускать кого-то в свою жизнь сейчас нечестно.

© Туманова Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Первый дождь	5
Часть II. Найденные связи	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Дарья Туманова

Якорь для хранителя

Часть I. Первый дождь

Глава 1. Улица, которая помнит

Женя всегда знала: если идти по Заречной против часовой стрелки, дорога до кофейни занимает семь минут. По часовой, почему-то девять. Никто в Тихославле не удивлялся таким вещам. Улицы здесь были живыми ровно настолько, насколько может быть живым старик, который давно устал спорить с людьми и просто делает по-своему.

Она толкнула дверь «Букиниста», колокольчик звякнул дважды, хотя трогала она его один раз, — и вдохнула запах кофе и старой бумаги. Хозяйка, тётя Валя, уже гремела турками за стойкой.

— Опять по часовой шла? — спросила она, не оборачиваясь.

— Задумалась.

— Заречная не любит, когда о ней забывают.

Женя улыбнулась и повесила куртку на крючок, тот самый, что стоял здесь с открытия и, по слухам, принадлежал ещё дореволюционному лавочнику. В Тихославле у половины вещей была своя биография, и об этом говорили так же обыденно, как о погоде.

Магический квартал начинался через два дома от кофейни, граница была условной, отмеченной разве что вывесками: «Лицензированный заклинатель», «Ремонт амулетов, гарантия год», «Приём по вопросам духов жилья, вторник, четверг». Женя не колдовала. У неё было что-то вроде особенности, за которую городская управа даже выдавала справку, «бытовая аномалия слабой интенсивности»: она всегда находила потерянные вещи. Не любые, только те, что теряли люди, которых она хоть немного знала. Ключи соседки, зонт тёти Вали, однажды, обручальное кольцо клиента, закатившееся под холодильник три года назад.

Дверь снова звякнула, на этот раз по-настоящему.

Вошёл мужчина в тёмном пальто, и Женя не сразу поняла, что именно в нём не так, — а потом сообразила: за ним не было тени. Вернее, тень была, но двигалась на полшага позже, словно нехотя.

— Хранитель, — негромко произнесла тётя Валя, не переставая варить кофе, но чуть склонив голову, не то приветствие, не то настороженность.

Мужчина, высокий, с усталыми глазами и часами на цепочке, которые он то и дело трогал пальцами, словно проверяя, на месте ли, — подошёл к стойке.

— Мне бы кофе. И, простите, вы не находили тут вчера серебряную запонку? Может закатиться под столик.

Женя невольно шагнула вперёд раньше, чем успела подумать.

— За третьим столиком, у окна. Под батареей.

Он посмотрел на неё, впервые по-настоящему посмотрел, не как на случайную деталь интерьера.

— Вы уверены? Я там не сидел.

— А вчера кто-то сидел, — Женя пожала плечами. — Простите, я просто... чувствую такие вещи.

Он не улыбнулся, но что-то в его лице смягчилось, как будто он услышал не объяснение, а пароль.

— Матвей, — представился он. — Хранитель квартала. Со вчерашнего дня официально, временно, пока не найдут постоянного. Не думал, что в первую неделю буду терять запонки в кофейнях.

— Женя.

Он направился к третьему столику, наклонился, и действительно вытащил из-под батареи маленькую серебряную запонку, покрытую пылью.

— Как вы это делаете? — спросил он, возвращаясь к стойке уже с кофе в руках.

— Не знаю, — честно ответила она. — Просто вижу, где что лежит. Как точно вещи сами хотят, чтобы их нашли.

Матвей чуть прищурился, не подозрительно, а с интересом, каким смотрят на редкую находку.

— В квартале пропажа поважнее запонки, — сказал он вдруг, понизив голос. — Городской талисман. Тот, что держит границу между кварталом и остальным городом. Если к вечеру не найдётся, граница поплывёт, и то, что должно оставаться внутри, начнёт выходить наружу.

Он замолчал, будто сам удивился, что сказал это вслух, постороннему человеку, без лицензии, без магии.

— Простите, — добавил он. — Вам это ни к чему знать.

— Может, и к чему, — сказала Женя, сама не понимая, зачем это говорит. — Я умею находить то, что потерялось.

За окном, на Заречной, начинался дождь, хотя прогноз обещал солнце до вечера.

Глава 2. Кофе на два лица

Матвей не ушёл сразу. Он стоял у стойки, вертя в пальцах чашку, и явно не мог решить, стоит ли продолжать разговор с посторонней девушкой о делах квартала.

— Вам вообще можно об этом рассказывать? — спросила Женя, вытирая соседний столик, скорее для вида, чем по необходимости.

— Не особо, — признался он. — Но у меня к вечеру дедлайн, ноль зацепок и очень настойчивое ощущение, что вы не просто так сказали про запонку.

Тётя Валя за стойкой демонстративно углубилась в протирание турки, но Женя видела, как она наострила уши.

— Как выглядит талисман? — спросила Женя.

— Небольшой диск, тёмная бронза, с гравировкой, переплетённые ветви. Обычно висит в нише у арки на Гончарной, там, где квартал переходит в город. Его снимают раз в год, на очистку, вчера как раз был этот день. Мастер, который его чистил, божится, что вернул диск на место. А сегодня утром ниша пуста.

— Может, кто-то украл?

— Диск нельзя украсть в буквальном смысле, он держится на нише через привязку, снять его руками почти невозможно, только через ритуал. Либо мастер ошибся и повесил не туда. Либо... — Матвей замолчал.

— Либо?

— Либо диск сам решил, что не хочет там висеть. Такое бывает с очень старыми привязками. Раз в несколько десятилетий.

Женя отставила тряпку.

— Пойдёмте на Гончарную.

— Зачем? Вам не обязательно...

— Вы сами сказали, у вас ноль зацепок. А я нахожу потерянное. Может, это не совпадение, что я сижу в кофейне в двух шагах от границы квартала в тот самый день, когда пропадает талисман.

Матвей посмотрел на неё чуть дольше, чем требовалось для простого согласия.

— Хорошо. Только возьмите куртку, на Гончарной вчера дежурил ветер посерьёзнее, чем на Заречной.

Улица встретила их сыростью и запахом мокрого камня. Ниша в арке, простое углубление в кладке, оплетённое сухим плющом, — действительно была пуста; на месте диска темнело лёгкое пятно, как тень от предмета, который годами защищал стену от дождя.

Женя подошла ближе и почти сразу почувствовала, не увидела, а именно почувствовала, лёгкое притяжение, словно в кармане завибрировал телефон, которого там не было. Она повернулась налево, к переулку, ведущему вглубь квартала.

— Туда, — сказала она уверенно.

— Откуда вы знаете?

— Не знаю. Просто туда.

Матвей чуть нахмурился, но пошёл следом, на ходу поправляя цепочку часов, жест, как заметила Женя, у него был почти нервным, точно прикосновение к якорю успокаивало.

— А ваши часы, — спросила она, чтобы заполнить тишину переулка, — тоже якорь?

— Отцовские, — коротко ответил он. — Без них я не смог бы держать границу квартала дольше пары часов. Магия хранителя привязана к предмету, который что-то значит. Обычно семейная вещь, кольцо, что-то со смыслом. Без якоря сильный заклинатель, просто человек с талантом, который быстро выдыхается.

— Романтично, — вырвалось у Жени прежде, чем она успела прикусить язык.

Матвей впервые за вечер улыбнулся, не широко, скорее уголком губ.

— Не самое частое слово для описания работы хранителя. Обычно говорят «неудобно» и «дорого в страховке».

Переулок вывел их к маленькому дворику с фонтаном, давно не работающим, заросшим мхом. Женя остановилась у края чаши и, не раздумывая, опустила руку в сухую листву на дне.

Пальцы наткнулись на что-то холодное и тяжёлое.

— Нашла, — выдохнула она, поднимая тёмный бронзовый диск с гравировкой переплетённых ветвей.

Матвей замер, глядя то на диск, то на неё, так, как смотрят на то, чему не сразу находишь объяснение.

— Как вы это делаете? — повторил он свой вопрос из кофейни, но теперь в его голосе не было простой вежливости, было что-то похожее на растерянность и, кажется, восхищение.

— Я же говорю, — Женя протянула ему диск. — Вещи сами хотят, чтобы их нашли. Может, дело не во мне, а в том, что не всё потерянное хочет оставаться потерянным.

Он взял диск осторожно, будто боялся, что тот снова исчезнет между пальцами, и на мгновение его рука накрыла её ладонь дольше, чем требовалось для простой передачи находки.

— Спасибо, Женя, — сказал он вполголоса. — Похоже, вы только что спасли мою первую неделю в должности.

Над двориком, вопреки утреннему прогнозу, дождь наконец прекратился, словно город решил, что имеет право на небольшое одобрение.

Глава 3. Тот, кто держит квартал

Диск вернули на место в нише к вечеру, Матвей провёл короткий ритуал, больше похожий на разговор со старым знакомым, чем на магию: приложил ладонь к камню, что-то вполголоса сказал, и бронза сама скользнула в углубление, точно узнала хозяина.

— Вот и всё, — сказал он, отряхивая руки. — Граница держится. Спасибо вам ещё раз. Официально это должно было занять у меня весь день с бумажной волокитой и вызовом старшего заклинателя из ратуши.

— А неофициально?

— Неофициально я обязан вам кофе. Минимум.

Женя рассмеялась, впервые за вечер по-настоящему легко.

— Я вообще-то работаю в кофейне. Кофе у меня и так есть.

— Тогда ужином. — Матвей произнёс это чуть быстрее, чем собирался, и сам, кажется, удивился собственной смелости. — Если вы не спешите. Хочу вам кое-что показать, раз уж вы теперь неофициально в курсе дел квартала.

Они пришли на крышу невысокого дома на углу Гончарной и Литейной, по узкой пожарной лестнице, которую Матвей, судя по уверенности движений, знал наизусть. Отсюда весь магический квартал был виден как на ладони: неровные линии крыш, светящиеся вывески заклинателей, дворы-колодцы, в которых, если приглядеться, можно было заметить лёгкое сияние, там, где скапливалась сила.

— Каждый хранитель видит квартал по-своему, — сказал Матвей, облокотившись на парапет. — Мой предшественник, старик Аркадий, говорил, что квартал похож на живого зверя, который дремлет и иногда ворочается во сне. Я пока вижу просто карту с проблемными точками. Наверное, это придёт со временем.

— Сколько вы уже хранитель?

— Одиннадцать дней. — Он усмехнулся. — Аркадий ушёл на покой внезапно, ратуша ещё не подобрала постоянную кандидатуру, а квартал сам себя не поддержит. Так что я, временное решение, которое, кажется, слишком серьёзно относится к временной работе.

Женя посмотрела на него внимательнее. За уверенными жестами и профессиональным тоном проступала обычная усталость человека, который делает сложную работу без подготовки и без права на ошибку.

— А если бы вы не согласились?

— Граница между кварталом и городом держится только на живом хранителе. Без него духи жилья начинают путать этажи, амулеты теряют настройку, а домовые массово переезжают к соседям без разрешения. Однажды такое случилось на неделю, пока искали замену, — весь квартал потом полгода разбирался, что где стоит.

— Похоже на очень нервную работу.

— Есть такое. — Он посмотрел на неё сбоку. — А ваша «бытовая аномалия», как вы вообще с ней живёте? Ратуша ведь ставит на учёт даже слабые способности.

— Ставит. Раз в год прихожу на комиссию, они машут надо мной каким-то прибором, записывают, что интенсивность стабильна, и отпускают. Быть немного странной официально, не так уж плохо. Хуже, когда объясняешь это людям вне города.

— Вы не местная?

— Переехала три года назад. Из обычного города, где единственная магия, это когда автобус приходит по расписанию.

Матвей рассмеялся, уже второй раз за вечер, и Женя отметила, что смех идёт ему больше, чем сдержанная вежливость.

— Тихославль вас, кажется, выбрал не просто так, — сказал он. — Тут редко бывает такая точная способность к находкам. Обычно бытовые аномалии, это что-то расплывчатое: чуть лучше интуиция, чуть удачливее в мелочах. А у вас, почти профессиональный инструмент.

— Может, город решил, что мне пригодится, — пожала плечами Женя. — Или просто совпадение.

— В Тихославле не так много совпадений, — заметил Матвей, глядя не на квартал, а на неё.

Внизу, на Литейной, зажглись фонари, раньше обычного времени, будто улица тоже прислушивалась к разговору на крыше и решила подыграть.

Часы на цепочке Матвея вдруг тихо звякнули, словно крошечный будильник, и он поморщился, доставая из кармана компактный жетон, мигающий бледно-зелёным.

— Сигнал с Кузнечного, — сказал он, вглядываясь в жетон. — Не срочно, судя по цвету, просто зеркала опять шалят, путают отражения. Второй раз за неделю в том же переулке.

— Это нормально? — спросила Женья, заметив, как быстро сошла с его лица лёгкость минуту назад.

— Обычно да, мелкие сбои случаются, — Матвей убрал жетон, но морщинка между бровей осталась. — Просто в моей ситуации любой повторяющийся сбой хочется проверить дважды, вдруг это симптом чего-то большего, а не просто капризная улица. Загляну туда после ужина.

— Так что там с ужином? — спросила Женья, чтобы разрядить повисшую паузу.

— Есть одно место, — оживился Матвей. — Не в квартале, на самой границе. Готовят обычную еду, но подают её на тарелках, которые сами подогреваются, если гость замёрз. Хозяйка, из семьи потомственных заклинателей, но давно забросила ремесло ради борща.

— Звучит как мой город, — улыбнулась Женья. — Веди.

Они спустились с крыши в темноту, которая пахла дождём, хотя дождя больше не было, и Женья впервые за долгое время подумала, что три года назад, кажется, приехала именно туда, куда нужно.

Глава 4. Якорь на цепочке

Кафе оказалось крошечным, четыре столика, запах борща и свежего хлеба, и хозяйка, тётя Клава, встретившая Матвея как старого знакомого, а Женью смерила таким взглядом, что стало ясно: об этом вечере к утру будет знать полквартала.

— Хранитель с девушкой, — констатировала тётя Клава, ставя на стол две тарелки, которые и правда слабо, но ощутимо потеплели под ладонями. — Аркадий десять лет сюда один ходил. Хороший знак.

— Тётя Клава, это не то, что вы думаете, — попытался возразить Матвей.

— Конечно, не то, — кивнула она с видом человека, который знает ровно обратное, и удалилась на кухню.

Женья пряталась за ложкой борща, чтобы не рассмеяться.

— Она всегда так?

— С каждым годом хуже, — вздохнул Матвей, но без раздражения, скорее с той теплотой, с какой говорят о родне. — Она вроде местной летописи квартала. Знает всё обо всех ещё до того, как это случилось.

Разговор потёк легче, про её переезд в Тихославль, про то, как она три месяца привыкала к тому, что соседский домовый ворует носки не по злобе, а из коллекционного азарта; про его учёбу на хранителя, пять лет в столичной школе привязок, где половину курса составляли не заклинания, а бюрократия, лицензии, реестры, протоколы согласования границ с соседними кварталами.

— Так вы с самого начала знали, что станете хранителем? — спросила Женья.

Матвей на секунду задержал руку на цепочке часов, привычный жест, который Женья уже научилась замечать.

— Отец был хранителем в другом городе. Я вырос при этом деле, знал, что рано или поздно возьму часы себе. Не то чтобы был выбор. — Он помолчал. — Он умер четыре года назад. Часы перешли ко мне вместе с должностью, которую я, если честно, не был готов принять. Год провёл в резерве, оформлял бумаги для чужих привязок, лишь бы не привязываться сам.

— А потом?

— А потом освободилось место в Тихославле, и я решил, что пора. Новый город, новый квартал, никто здесь не знает меня как «сына того самого хранителя». Можно начать заново.

Женя слушала и понимала: за одиннадцатью днями уверенной работы стоит куда больше, четыре года откладывания, груз наследства, которое нельзя просто передать кому-то ещё.

— Можно спросить? — она кивнула на часы. — Что чувствуется, когда держишь границу через них?

Матвей на мгновение задумался, точно впервые пытался облечь это в слова для кого-то постороннего.

— Как будто держишь дверь, которую хочет открыть ветер. Не тяжело физически, тяжело не отвлекаться. В первую неделю я чуть не упустил хватку, потому что засмотрелся на голубя. — Он усмехнулся. — Хорошо, что рядом была стена, а не обрыв.

— А если якорь потерять?

Его лицо на секунду посерьёзнело.

— Тогда держать границу почти невозможно. Без якоря сила есть, а фокуса нет, как пытаться писать без ручки, только руками. Поэтому хранители носят якорь буквально не снимая. — Он машинально коснулся цепочки ещё раз. — Простите, наверное, слишком мрачная тема для ужина.

— Нет, — покачала головой Женя. — Мне нравится, что вы рассказываете настоящее, а не заготовленную версию для туристов.

Он посмотрел на неё долгим взглядом, и на этот раз ни один из них не отвёл глаза первым.

— Знаете, — сказал он негромко, — за одиннадцать дней в этой должности я разговаривал в основном с ратушей, домовыми и злым котом с Гончарной, который считает себя младшим духом улицы. Вы первый человек, с которым мне не нужно объяснять половину слов.

— Наверное, потому что я сама здесь немного на границе, — улыбнулась Женя. — Не совсем обычная, не совсем магическая. Где-то посередине.

— Посередине, — повторил Матвей, словно пробуя слово на вкус, — не самое плохое место.

Тётя Клава, проходя мимо с чайником, громко фыркнула что-то про «наконец-то», но оба сделали вид, что не расслышали.

Когда они вышли на улицу, было уже темно, и город вокруг казался тише обычного, точно сам решил не мешать. Матвей проводил Женю до угла Заречной, и на прощание задержал её руку в своей на секунду дольше положенного, точно так же, как утром над бронзовым диском.

— Спасибо за вечер, — сказал он. — Оба раза, когда вы что-то находите, находится и то, чего я не искал.

Женя шла домой по Заречной против часовой стрелки, семь минут, как обычно, но впервые ей показалось, что дорога слишком короткая.

Матвей же свернул не домой, а к переулку Кузнечному, вспомнив про утренний сигнал. Зеркала на этот раз показывали отражения с опозданием почти в целую секунду — вдвое хуже, чем накануне. Он укрепил привязку в третий раз за неделю и поймал себя на мысли, что список мелких, вроде бы не связанных друг с другом странностей в квартале за последние дни набрался длиннее, чем ему бы хотелось перед сном признавать.

Глава 5. Дождь без предупреждения

Через три дня Матвей не появился в кофейне.

Женя убеждала себя, что это ничего не значит, у хранителя наверняка полно дел, — но всё равно ловила себя на том, что слишком долго протирает третий столик у окна, тот самый, под батареей которого нашлась записка.

— Ты сегодня уже дважды вымыла этот стол, — заметила тётя Валя, не поднимая глаз от кассы.

— Он грязный.

— Он был грязным в понедельник. Сейчас четверг.

Женя со вздохом убрала тряпку. За окном моросил дождь, третий день подряд, хотя прогноз обещал сухую неделю. На Заречной это никого не удивляло: улица явно была в дурном настроении.

Колокольчик звякнул. Женя обернулась слишком быстро, но это оказалась не Матвей, а женщина в строгом плаще, с портфелем и значком ратуши на лацкане.

— Кофе, чёрный, — сказала женщина, окинув кофейню быстрым оценивающим взглядом, каким смотрят на объект, а не на место. — И, если можно, минуту вашего времени. Вы, полагаю, Евгения?

— Да, — настороженно ответила Женя.

— Инспектор Марина Соколова, отдел контроля аномалий. — Она достала планшет. — Нам поступил сигнал о повышенной активности вашей способности за последние дни. Находка городского талисмана в частном порядке, без привлечения официальной службы поиска, — это не нарушение, но требует... уточнения.

— Я просто помогла хранителю Матвею, — сказала Женя, чувствуя, как внутри что-то напрягается.

— Именно это меня и интересует. — Марина посмотрела на неё внимательнее, чем требовал протокол. — Ваша справка указывает интенсивность аномалии как слабую, бытовую. Найти запонку под столиком, укладывается в профиль. Найти городской талисман, привязанный сложным ритуалом, спрятанный без единого свидетеля, за полчаса поисков, это не слабая аномалия, Евгения. Это уже совсем другая категория.

Женя молчала, не зная, что на это ответить.

— Я не обвиняю вас ни в чём, — продолжила инспектор мягче. — Но советую в ближайшее время пройти внеплановую переоценку. И, — она замаялась, — быть осторожнее с тем, насколько тесно вы сотрудничаете с новым хранителем. Одиннадцать дней в должности, слишком мало, чтобы понять, устойчива ли его привязка. Если у него случится сбой, а рядом окажется человек с недооценённой аномалией...

— Что тогда? — приглушённо спросила Женя.

— Тогда лучше, чтобы этим человеком были не вы. — Марина забрала кофе, оставила на стойке визитку и вышла, даже не притронувшись к напитку.

Дождь за окном усилился.

Женя вертела визитку в руках, когда снова звякнул колокольчик, на этот раз действительно Матвей, промокший, с покрасневшими от недосыпа глазами.

— Простите, что пропал, — сказал он с порога. — Ратуша устроила внеплановую проверку границ после истории с талисманом. Три дня протоколов и объяснений, почему диск на полчаса покидал нишу.

— У меня тоже был визит, — сказала Женя, протягивая ему визитку. — Инспектор Соколова. Говорит, моя аномалия «уже совсем другая категория».

Матвей нахмурился, читая визитку.

— Марина дотошная, но справедливая. Если она сказала это, значит, действительно что-то заметила.

— Она ещё сказала, что мне стоит быть осторожнее с вами. На случай, если ваша привязка... нестабильна.

Повисла пауза. Матвей опустил взгляд на часы на цепочке.

— Она не совсем права, — признал он тихо. — Одиннадцать дней, правда мало. Обычно хранителя натаскивает предшественник хотя бы полгода. У меня было три недели

документов и никакой практики. Я держу границу, потому что должен, а не потому что уверен, что делаю это правильно.

— Почему вы не сказали мне раньше?

Матвей не ответил сразу. Он отвёл взгляд на дождь за окном, потом снова коснулся часов на цепочке, будто искал в этом жесте нужные слова и не находил.

— С вами было легко забыть на пару часов, что я тут временное решение. И держусь на честном слове и отцовских часах. — сказал он наконец, так и не договорив то, что явно вертелось следом.

Женя подошла ближе и, неожиданно для самой себя, накрыла его руку, ту, что лежала на цепочке часов, своей.

— Я не боюсь того, о чём вы молчите, — негромко сказала она. — Я нахожу потерянное, помните? Если что-то у вас пойдёт не так, я буду рядом, чтобы найти дорогу назад. Какой бы ни была категория моей аномалии.

Матвей посмотрел на их руки, потом на неё, и впервые за все эти дни в его взгляде не было ни усталости, ни тревоги, только что-то очень тихое и настоящее.

— Инспектор права хотя бы в одном, — сказал он. — Это уже не просто найденная записка.

За окном, вопреки всем прогнозам и вопреки самому себе, дождь наконец прекратился, резко, словно кто-то щёлкнул выключателем, — и в разрыве туч на мгновение проглянуло солнце, осветив мокрую Заречную неожиданно ярким, почти нездешним светом.

Часть II. Найденные связи

Глава 6. Вещи, которые находятся сами

Обещанная Мариной «внеплановая переоценка в ближайшее время» утонула в обычной бюрократической очереди ратуши почти на два месяца. Назначили её лишь ближе к концу третьего месяца службы Матвея — той самой поре, когда, по словам Аркадия, привязка хранителя либо укрепляется окончательно, либо начинает давать первые трещины.

Переоценку назначили на субботу, в самом сердце ратуши, здании из тёмного кирпича, увитом плющом, который, по слухам, был старше самого города. Женя сидела в коридоре отдела контроля аномалий, разглядывая объявления на стенде: «Курсы базовой привязки для начинающих», «Розыск сбежавшего домового, особые приметы, любит чужие тапочки», «Внимание: временное ограничение на использование зеркал в переулке Кузнечном».

— Евгения? Проходите.

Кабинет Марины Соколовой оказался неожиданно уютным, вопреки строгому плащу инспектора, тут было полно комнатных растений и на подоконнике сидел кот, демонстративно не обращающий внимания на посетителей.

— Не пугайтесь, — сказала Марина, доставая небольшой прибор, похожий на старомодный барометр. — Это просто снимет показания. Больно не будет, разве что немного щекотно.

Прибор действительно защекотал где-то в груди, а потом на его шкале медленно поползла стрелка, гораздо дальше, чем Женя ожидала.

Марина подняла брови.

— Так и думала. Ваша официальная категория, «слабая бытовая аномалия». Реальные показатели тянут на «направленную поисковую способность высокой интенсивности». Это не просто «находить то, что забыли под столом». Это ближе к профессиональному навыку ищеек ратуши, тех, кто разыскивает пропавших людей и артефакты за деньги.

— Но я никогда... — начала Женя.

— Никогда не пробовали в полную силу, потому что не знали, что она у вас есть, — закончила за неё Марина. — Такое бывает. Способность годами дремлет на бытовом уровне, потому что человек не сталкивается с задачами, которые могли бы её разбудить. А потом, раз, и находишь городской талисман за полчаса.

Женя молчала, пытаясь осмыслить услышанное.

— Это плохо? — спросила она наконец.

— Это неожиданно, — уточнила Марина. — Не плохо, но требует внимания. Первое: вам нужна новая справка, более высокой категории, иначе при следующей проверке вас могут заподозрить в сокрытии способностей, а это уже штраф. Второе... — она помедлила. — Второе, способности такого уровня иногда привлекают внимание не только ратуши.

— В смысле?

— В квартале есть люди, которые ищут потерянное профессионально, за деньги, иногда не самые законные вещи. Если станет известно, что в городе появилась находчица такого уровня, вас могут начать искать сами, с предложениями работы, не всегда честными.

Женя почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Не паникуйте раньше времени, — Марина, кажется, заметила её реакцию и смягчила тон. — Пока это просто моя рекомендация быть осторожнее. Я оформлю новую справку, и постараюсь, чтобы информация не разлетелась дальше отдела. Но раз уж вы теперь в поле зре-

ния ратуши, рекомендую подать заявку на официальное партнёрство с квартальной службой. Тогда ваша сила будет под защитой лицензии, а не голой на виду у всех.

— А хранитель Матвей... он в курсе, насколько сильна моя аномалия?

Марина посмотрела на неё внимательно.

— Не думаю. Иначе, полагаю, вёл бы себя осторожнее насчёт того, как часто привлекает вас к делам квартала. — Она сделала паузу. — Хотя, признаться, судя по тому, как он о вас говорил в протоколе по делу с талисманом, «осторожность», не то слово, которое приходит в голову.

Женя почувствовала, что краснеет, и поспешила сменить тему.

— Что мне делать с новой категорией?

— Для начала, попробовать её на чём-то посложнее запонок, — Марина протянула ей папку. — У нас есть нерешённое дело: три недели назад пропал архив старых привязок квартала, документы, по которым можно восстановить, кто и когда становился хранителем, какие у кого якоря. Штатные ищейки прочесали весь квартал, ничего. Возможно, вам стоит попробовать, уже официально, с оплатой и защитой лицензии.

Женя взяла папку, чувствуя, как в груди одновременно поднимаются тревога и странное, незнакомое прежде воодушевление.

— Архив старых привязок, — повторила она. — Это ведь как раз то, что нужно узнать про якорь Матвея, верно? Что происходит, если привязка нестабильна.

Марина чуть улыбнулась, впервые за весь разговор.

— Я не говорила этого вслух, Евгения. Но да. Возможно, это дело окажется полезным для вас в куда большем количестве смыслов, чем одно.

Выйдя из ратуши, Женя остановилась под плющом у входа, вдыхая влажный вечерний воздух, и впервые за три года в Тихославле почувствовала, что город наконец начал доверять ей по-настоящему, не как случайной гостье с забавной особенностью, а как своей.

Глава 7. Экскурсия для своих

Матвей пришёл в кофейню с папкой архивных записей под мышкой и лёгкими тенями под глазами, каких неделю назад ещё не было: Кузнечный он теперь проверял через день, а зеркала продолжали упрямо отставать, будто спорили с его укреплениями.

— Официальное расследование, значит, — Матвей покрутил в руках папку, которую Женя принесла в кофейню на следующий день. — Пропавший архив привязок. Знаете, я ведь тоже пытался его найти, когда вступал в должность, хотел посмотреть, как оформлял привязку Аркадий, для сравнения со своей.

— И что нашли?

— Ничего. Архивариус развёл руками и сказал, что документы «куда-то делись» ещё до его прихода. Звучало подозрительно неубедительно.

— Тогда вам придётся показать мне квартал изнутри, — сказала Женя, доставая блокнот, который купила специально для расследования, по совету Марины, «искать легче, когда записываешь, что уже проверила»). — По-настоящему, не как туристке, а как... не знаю, как коллеге хранителя.

Матвей улыбнулся, той самой полуулыбкой, которая, как заметила Женя, появлялась у него, когда он был доволен больше, чем хотел показать.

— Экскурсия для своих. Договорились.

Они начали с архивной башни, приземистого здания без окон на первом этаже, зато с целой стеной окон под самой крышей, «чтобы свет падал прямо на стеллажи, а не сбоку, — так меньше искажений при чтении старых чернил», как объяснил архивариус, сухонький старик по имени Пётр Ильич, поправляющий очки каждые полминуты.

— Тот самый шкаф, — он махнул рукой на пустую полку между двумя другими, забытыми папками. — Стоял здесь двадцать лет. В одну не самую прекрасную пятницу пришёл, а полка пуста. Ни следов взлома, ни записи в журнале выдачи.

Женя подошла ближе, провела рукой по краю полки, и почувствовала лёгкое, едва уловимое притяжение, куда слабее, чем с талисманом, но точно такое же по природе. Направление вело не наружу здания, а вглубь, к соседнему стеллажу.

— Странно, — пробормотала она. — Кажется, часть архива где-то рядом. Не унесли далеко.

— Тут рядом только читальный зал и кабинет самого Петра Ильича, — заметил Матвей. Архивариус смущённо кашлянул.

— Ну, у меня в кабинете действительно есть кое-какие бумаги, которые я... позаимствовал для личного исследования. Ничего секретного! Просто старые списки хранителей, интересовался историей должности.

Он проводил их в свой захламлённый кабинет, где на столе, среди чашек с недопитым чаем, действительно лежала стопка пожелтевших листов.

Женя пролистала их, списки имён, дат, коротких пометок о характере якорей.

— Это часть архива, но не весь, — сказала она через минуту. — Здесь только записи за последние тридцать лет. Основной массив, то, что мы ищем, — не здесь. Притяжение слабое, но оно ведёт дальше, за пределы этого здания.

— Значит, кто-то всё же вынес архив, — подытожил Матвей. — А Пётр Ильич просто случайно взял часть бумаг раньше пропажи.

— Именно так и было! — закивал архивариус с явным облегчением, что его не подозревают всерьёз.

Выйдя из башни, они продолжили путь, Матвей показывал Жене квартал так, как не показывал ни один путеводитель: подвал, где хранились «отработавшие своё» амулеты, слишком заряженные, чтобы выбросить, но бесполезные для дальнейшего использования; крышу, с которой открывался вид на всю границу квартала одновременно; маленький дворик, где раз в месяц собирались все местные домовые на «совет по этажам», обсуждали спорные вопросы вроде того, кому принадлежит чердак после перепланировки.

— А это, — Матвей остановился у неприметной двери в переулке без вывески, — контора Виктории Рудовой. Лицензированная ищейка, работает на квартал больше десяти лет. Если архив украли профессионально, она, скорее всего, знает, или сама причастна к поиску.

Дверь открылась прежде, чем они постучали. На пороге стояла эффектная женщина в элегантном костюме, с холодным, оценивающим взглядом, который она тут же перевела с Матвея на Женю, и задержала на секунду дольше нужного.

— Хранитель, — произнесла она с лёгкой, чуть насмешливой улыбкой. — Давно не заходил. И, кто это с тобой? Не припомню лица в наших кругах.

— Виктория, это Евгения. Помогает ратуше с делом о пропавшем архиве.

Брови Виктории чуть приподнялись.

— Ратуша наняла любителя вместо меня? Забавно. — Она перевела взгляд на Женю, уже без всякой насмешки, скорее с профессиональным интересом, граничащим с настороженностью. — Впрочем, поговаривают, у этого «любителя» показатели интереснее, чем у половины лицензированных ищущих квартала. Слухи в ратуше расходятся быстро.

— Вы не против ответить на пару вопросов про архив? — вмешалась Женя, стараясь звучать увереннее, чем чувствовала себя под этим взглядом.

— Отчего же, — Виктория отступила, пропуская их внутрь, но взгляд, которым она проводила Матвея, задержавшись на его руке, лежащей чуть ближе к Жене, чем того требовала простая вежливость, не укрылся ни от кого в переулке.

— Заходите, — сказала она. — Расскажу всё, что знаю. Но предупреждаю сразу: то, что я знаю, вам не понравится.

Глава 8. Ярмарка заклинателей

Кабинет Виктории оказался неожиданно строгим, ни романтических изысков, ни таинственных артефактов, только стеллажи с папками дел и карта квартала на стене, утыканная разноцветными булавками.

— Архив забрали не случайные воры, — сказала она, наливая три чашки чая, которые никто не просил. — Три недели назад на квартальной ярмарке заклинателей я видела человека, который расспрашивал торговцев редкостями именно о списках старых привязок. Не афишировал интерес, но я слишком давно в деле, чтобы не заметить.

— Кто это был? — спросил Матвей.

— Не знаю имени. Знаю только, что он не местный, акцент, манера держаться, слишком дорогое пальто для нашего квартала. И ещё, он спрашивал конкретно про привязки последних тридцати лет, где хранитель менялся из-за нестабильности якоря.

Матвей и Женья переглянулись.

— Ярмарка снова открывается завтра, — продолжила Виктория, не заметив или сделав вид, что не заметила этот обмен взглядами. — Ежегодная, длится три дня. Торговцы, гадалки, продавцы амулетов, половина квартала туда стекается. Если ваш незнакомец интересовался темой раз, велика вероятность, что вернётся.

— Вы поможете нам его найти? — спросила Женья.

Виктория окинула её долгим взглядом, в котором читалось что-то среднее между уважением и лёгким раздражением.

— Помогу с одним условием: если найдём что-то ценное, это идёт в мой отчёт ратуше как совместная работа, а не как ваша личная победа, милая любительница.

— Договорились, — быстро сказала Женья, прежде чем Матвей успел вступиться.

Ярмарка заклинателей разворачивалась на центральной площади квартала, шатры, гирлянды огоньков, которые горели без единого провода, прилавки с амулетами всех форм и назначений, торговцы, наперебой расхваливающие товар. Пахло благовониями, жжёным сахаром и чем-то неуловимо электрическим, как перед грозой.

— Осторожнее с сахарной ватой у третьего шатра, — предупредил Матвей, ведя Женю через толпу. — Зачарована на исполнение желаний, но неточно откалибрована. В прошлом году один турист съел кусок, загадав разбогатеть, и весь день находил на дороге исключительно мелочь.

Жетон в его кармане тихо звякнул — тот самый, с Кузнечного. Матвей мельком глянул на него, не сбавляя шага, и в его лице на секунду мелькнула та же тревожная складка между бровей.

— Опять? — тихо спросила Женья.

— Жёлтый вместо зелёного, — коротко ответил он. — Впервые. Разберусь после ярмарки.

Женья рассмеялась, но внимание её то и дело возвращалось к лицам в толпе, она вглядывалась в каждого, кто носил слишком дорогое пальто.

Возле шатра гадалки внимание привлёк седой мужчина, действительно одетый не по квартальному элегантно, — он о чём-то расспрашивал продавца старых книг, понизив голос.

— Это он, — вполголоса сказала Женья, узнав описание Виктории.

Матвей кивнул и двинулся ближе, но мужчина, точно почувствовав слежку, оглянулся, встретился взглядом с Матвеем, и мгновенно исчез в толпе, ловко лавируя между шатрами.

— Стой! — крикнул Матвей, бросаясь следом, но толпа на ярмарке была слишком плотной.

Женя, вместо того чтобы бежать напролом, остановилась и закрыла глаза, пытаясь поймать то самое притяжение, не к архиву на этот раз, а к человеку, который явно был с ним связан. Ощущение оказалось слабее, размытее, но всё же уловимое, как след, ведущий к восточному выходу с площади.

— Туда! — крикнула она, указывая направление.

Они с Матвеем проложили путь через толпу, но, добравшись до выхода, увидели только пустой переулок и брошенное на земле дорожное пальто, будто мужчина скинул его на бегу, чтобы стать менее заметным.

Матвей поднял пальто, ощупал карманы, пусто, если не считать маленького клочка бумаги, застрявшего в подкладке.

— Что там? — спросила Женя, подходя ближе.

На клочке бумаги, торопливым, но аккуратным почерком, было написано одно слово и цифра: «Ветхий, 12».

— Адрес? — предположила Женя.

— Улица Ветхая, — медленно произнёс Матвей, и лицо его вдруг изменилось, не то от узнавания, не то от тревоги. — Это на самой окраине квартала. Там уже лет двадцать никто официально не живёт. Считается заброшенной зоной, слишком нестабильные привязки в почве, ратуша давно хотела расселить, да руки не дошли.

— Звучит как отличное место для того, кто прячет краденый архив, — заметила подошедшая сзади Виктория, которая, оказывается, следовала за ними всё это время на почтительном расстоянии. — Что ж. Кажется, завтра нам предстоит небольшая прогулка по Ветхой улице.

Женя посмотрела на клочок бум

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.